

Владимир Константинович Столбов – музыкант, художник, интересный творческий человек - родился 27 апреля 1938 года в деревне Чертовищи Вичугского района Ивановской области. Окончил Ивановское музыкальное училище по классу трубы, а затем – Московскую консерваторию, класс профессора С. И. Ерёмкина. Четырнадцать лет преподавал в институте искусств во Владивостоке. В 1979 году с женой и дочерью Еленой вернулся в Иваново, где продолжил преподавательскую деятельность в музучилище. Награждён Почётным знаком «За достижения в культуре» и медалью «Дети войны».

Когда началась война, мне было совсем немного лет, но я хорошо помню, как папу и его товарищей, обритых наголо, посадили в машину и увезли.

...На фронте отец был сапёром. Чуть не погиб однажды. Бомбили какую-то сопку, и папа попал под обстрел. Отбросило его в реку... Нижняя часть туловища в воде, а верхняя (как хорошо, что верхняя!) на песке. Пролежал сутки, пока не нашли товарищи. От этого случая в шее несколько осколков осталось. Хирург сказал: «Не трогайте осколки... Часть мы вытащили, а часть навсегда останется». Я помню эти шрамы... Лечился папа в ярославском госпитале, и мама пешком от Чертовищ ходила его навещать...

Потом папа вернулся на фронт и еще раз чуть не утонул – в Прибалтике. Сам спасся, а сумка полевая со всеми документами ушла под воду. Когда с фронта пришёл, все его документы через Ленинградский архив восстановили...

Ну а что касается нас, тыла... Взрослое население, когда немцы подходили к Москве, заставили копать окопы. Всех, кто мог держать лопату в руках. Мы, дети, не копали - 4-5 лет, ну какая лопата? Но я помню эти траншеи - от деревни до леса, километра полтора. Мирное население должно было там прятаться, если вдруг что начнется. После войны мы потом бегали по этим окопам, играли, они тогда ещё не заросли...

В наших краях налётов не случалось, но я чувствовал, как все напуганы. Мать по ночам сжигала в печке папины книги - Ленина, "Блокнот агитатора", биографии разные... Видимо, боялась, что придут немцы и накажут за них.

Тяжело было с продуктами. Хлеб нам возили из пекарни, помню, за ним всегда очередь. Зато какой вкусный! Мясо и гречку давали только диабетикам. Народ волновался и бунтовал: «Как это? Эти получают, а мы должны стоять в очереди!?» А ещё набирали бидонами патоку, и дети объедались потом этой патокой с черным хлебом. Намажешь дома кусок и выходишь гулять прямо с ним. У многих аллергии пошли, полезли чирии от сладкого. Патока - это же отходы. И дуранду ели - тоже отходы. Нас спасала река - рыбу ловили, раков, такого добра было в изобилии. Раков с крапивой варили. От крапивы они становились гораздо вкуснее. И рачью икру ели. А главное, всем делились с товарищами! А ещё лес помогал. Про малину, землянику, грибы вообще молчу - это всё было наше! А ещё серу грызли с елок, чтобы от цинги спастись – многие тогда ходили с черными дёснами из-за этой болезни. Бросались на заячью травку кислую, щавель, как только снег сойдёт. Матрёшки ели - это типа

таёжного папоротника, но только очень нежный. Чуть ли не до чертополоха какого-то доходили. Бывало, что болели после таких «обедов», да и в целом от тяжелой жизни. Помню, однажды зимой меня в больницу на санках повезли. Там железная кровать, суконное одеяло... Ножки в ножки с одним парнем спали – коек не хватало.

...После Дня Победы приезжали домой оставшиеся в живых фронтовики, гуляли, пировали. Говорили друг другу: «Пируемся сегодня у вас, а на следующей недели – у нас!» Во время войны-то праздников не было – люди в страхе жили...

Помню, как однажды в наш дом прибежала соседка и взволнованно сообщила, что с автобусной остановки идёт отец. Мы с сестрой и мамой выскочили навстречу. Папа шёл по дороге в военной форме с зелёным чемоданом и вещмешком. Радость, слёзы, объятия...

А ещё запомнилось, как после войны смотрели трофейные фильмы в клубе - у нас передвижка была. Прямо со сцены. Когда одна бобина заканчивалась, приходилось ждать, пока киномеханик не поставит новую. Крутили кино одно за другим. Каждое длилось часа четыре, а не как сейчас каких-то полтора. Приходили в клуб с утра, а уходили за полночь. Половина детей спала уже, будили их...